

КНИГИ
Андрея
ИКОННИКОВА-ГАЛИЦКОГО

БЛИСТАТЕЛЬНЫЙ И ПРЕСТУПНЫЙ
Хроники петербургских преступлений
ЧЕРНЫЕ ТЕНИ КРАСНОГО ГОРОДА

Анджей
ИКОНИКОВ-
ГАЛИЦКИЙ

ЧЕРНЫЕ ТЕНИ
КРАСНОГО ГОРОДА

Санкт-Петербург

УДК 94(47).084.3
ББК 63.3(2)61
И 42

Оформление обложки Ильи Кучмы

ISBN 978-5-389-31094-0

© А. А. Иконников-Галицкий, 2007, 2026
© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

Вступление
«ТОВАРИЩИ»
И «БРАТКИ»

В повести Гоголя «Вий» губительному для несчастного Хомя Брута явлению владыки темных сил предшествует шумное нашествие мелких и мерзких бесов, заполонивших пространство старой церкви. В России конца XIX — начала XX века явлению великих и страшных демонов революции всякий раз предшествовала атака бесов и бесенят преступного мира. Преступный мир заинтересован в революции, ибо слом общественно-политического строя дает возможность вырваться из-под пресса устойчивых социальных институтов и государственных структур. Революция заинтересована в преступном мире: в его разрушительном менталитете, в его системе ценностей, отрицающей устои общества, наконец, в его «живой силе», в той массе мелких и средних правонарушителей, которые, как показывает опыт всех стран, прошедших через горнило социальных потрясений, являются активнейшими участниками революционных беспорядков. И когда революция наконец совершилась, вор, бан-

дит, громила, поножовщик, хулиган, переодетые в шинель или бушлат, а то и в кожанку комиссара или в командирский френч, стали подлинными хозяевами положения в охваченной смутой стране, на какое-то время навязав обществу свой удалой и жестокий криминальный закон.

Расслабьтесь: статистика

В своем развитии революция и криминал полвека шли рука об руку. До отмены крепостного права, если верить полицейским отчетам, уровень преступности в стране и в столице был стабилен. С 1831 по 1861 год статистика не фиксирует ее роста, даже показывает некоторое снижение. Отменили крепостное право, двинулись по пути реформ — и в первое же десятилетие (1861–1870) количество преступлений в пересчете на 100 тысяч населения возросло почти в полтора раза! Эта тенденция оказалась устойчивой. К 1913 году, за пять десятилетий капиталистической перестройки, число преступников на каждые 100 тысяч жителей России выросло втрое! И ведь что характерно: периоды наиболее активного роста преступности предшествуют всплескам революционной активности — «хождению в народ» (начало 1870-х), народовольческому террору (1879–1881), революции 1905 года и, наконец, катастрофе Мировой войны, переросшей в Семнадцатый год.

Какие именно виды криминала расцветали наиболее пышным цветом? За 1851–1860 годы

в стране было зарегистрировано 128 тысяч тяжких и 193 тысячи мелких преступлений, и за них осуждено соответственно 31 и 45 тысяч человек (при населении в 62 миллиона). В следующее десятилетие при населении, достигшем 69 миллионов, зарегистрировано 188 тысяч тяжких и 411 тысяч (!) мелких преступлений и осуждено 41 и 61 тысяча человек. Мелкая преступность, создающая общий мутный криминогенный фон, росла быстрее всего. Но и данные по тяжким преступлениям наводят на размышления. Например, убийств и покушений на убийства в «застойные» 1846–1857 годы совершалось по всей стране в среднем за год 4,2 тысячи; в 1884–1893-м — 5,2 тысячи (правда, и население выросло на четверть); а вот в 1909–1913-м, за пять лет, — 32,6 тысячи! Учитывая рост численности населения (в 2,5 раза по сравнению с 1857 годом), приходим к результату: убивать в России стали в 3 раза чаще!

Еще более показательны данные по преступлениям, связанным с нанесением тяжких телесных повреждений. Здесь за те же десятилетия цифры соответственно таковы: 1,7 тысячи (меньше, чем убийств!), 12,9 тысячи и (о ужас!) 44,9 тысячи. Опять же, учитывая демографию, рост более чем в 10 раз! Допустим, что во времена крепостничества многие факты нанесения телесных повреждений просто не доходили до сведения полиции и не фиксировались. Но вот грабежи и разбои — уж эти-то преступления не спрячешь! Показатели по тем же десятилетиям: 1,6 тысячи, 14,1 тысячи, 73,1 тысячи.

Стабильный и стремительный подъем. И еще одна важная в социально-психологическом отношении цепочка цифр. За те же десятилетия преступлений на сексуальной почве зафиксировано: 0,6 тысячи, 3,1 тысячи, 14,4 тысячи. В пересчете на 100 тысяч населения — почти десятикратный рост!¹

За столь обильное цитирование статистических сводок прошу у читателя прощения. Но уж очень интересные выводы можно сделать на основании сих бесстрастных цифр. Количество убийств практически не возрастает в первое пореформенное время, но ползет в гору накануне Мировой войны и революции. С самых первых лет капиталистической перестройки и вплоть до социалистического взрыва 1917 года устойчиво и стремительно растет количество преступлений против собственности и преступлений, связанных с неуправляемой агрессией. Российское общество становится все более агрессивным, все меньше ценятся в нем принципы неприкосновенности личности и имущества, рушатся устои общественной нравственности. Происходит криминальная «раскачка» общества изнутри. В итоге — устрашающие цифры 1909–1913 годов. К этому времени ценность человеческой жизни уменьшилась втрое, сексуальная агрессия и агрессия против личности возросла в десять раз, захват чужой собственности с применением насилия стал в пятнадцать раз более распространенным явлением. Понятно (по крайней мере, в ас-

¹ Статистические данные приводятся по изданию: *Миронов Б. Н. Преступность в России в XIX — начале XX века // Отечественная история. 1998. № 1.*

пекте социальной психологии), почему за этим последовал и 1917 год, и 1918-й, революция и Гражданская война, бандитизм, «красный террор» и экспроприации. В Петербурге, самом динамичном, самом передовом городе империи, все означенные процессы шли быстрее, чем в целом по стране. Отчасти поэтому ему и суждено было стать городом трех революций.

Блатные университеты

С ростом преступности явно не справлялась российская пенитенциарная система. Да и не могла справляться: неповоротливая, не поспевающая за временем, она (тогда, как и сейчас) страдала двумя пороками — безвольной мягкостью по отношению к тяжким преступлениям и тупой бессмысленностью наказаний. Хотя Уложение о наказаниях предусматривало и смертную казнь, и длительные сроки каторги (вплоть до пожизненной), но на практике суд очень редко давал даже кровавым убийцам больше 10 лет каторжного срока. Данные судебной статистики свидетельствуют, что лишь 4–8 % осужденных по уголовным статьям отправлялись в каторжные работы; еще около 30 % отбывали различные (в основном небольшие) сроки ссылки в «отдаленных», «не столь отдаленных», «весьма отдаленных местах» или сроки заключения в работных домах, арестантских ротах, исправительных заведениях (что было несравненно легче каторги).

Что касается «политических», то они чаще всего отделялись двумя-тремя годами не слишком тягостной ссылки «в не столь отдаленные места Сибири». Типичный пример — Владимир Ульянов: за создание революционной организации «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» и за активнейшую антиправительственную деятельность получил три года ссылки в благодатный край — на юг Енисейской губернии, в богатую деревню Шушенское. Несколько хуже приходилось революционерам, осужденным по уголовным статьям. Например, Иосиф Джугашвили (партийная кличка Коба) за участие в «экспроприации», то есть попросту в ограблении банка ради дела революции, был сослан на поселение в суровые и «весьма отдаленные места» — в Туруханский край. При этом осужденные по политическим статьям не имели права в ссылке работать, но зато получали бесплатное жилье и скромное денежное содержание. В чем состоял смысл таких наказаний и каких результатов ожидало от них государство — непонятно.

Но и самая суровая мера наказания для уголовных преступников — каторга — не только не способствовала исцелению общественных язв, а скорее вела к распространению настроений антиобщественных, вплоть до революционных. Как отметил еще Достоевский, главное мучительство на каторге заключалось в бесцельности и бессмысленности каторжного быта, каторжной работы, каторжной системы отношений. Этот вид наказания был тя-

жек: достаточно вспомнить, что еще в 1870-х годах осужденные должны были пройти бóльшую часть пути до «весьма отдаленных мест» в кандалах, пешком, по Сибирскому тракту, убийственные качества которого описал Чехов («Из Сибири»). Впрочем, транспортировка морем, в раскаленных и душных трюмах пароходов, через тропики и экватор, была немногим лучше пешего этапа. Но сии муки и тяготы никого не вели к исправлению. На самой каторге осужденных медленно убивали — нравственно и физически — нудная и бессмысленная работа, унижительные телесные наказания (давно отмененные «на воле», они применялись к осужденным вплоть до революции 1905 года), произвол развращенной администрации, верховенство отпетых головорезов-уголовников, голод, грязь, вши и прочие прелести, изображенные репортером Власом Дорошевичем в сборнике документальных очерков «Сахалин».

Дорошевич, почти три года изучавший быт Сахалинской каторги, подметил особенности каторжного менталитета, родственные мировоззрению революционеров: безбожие как следствие озлобленности против общества и примитивный материализм, доходящий до цинизма. Один из персонажей его книги, убийца, повинный в гибели пяти человек, вполне в духе большевистского «воинствующего атеизма» говорит: «Я в Бога не верую, я — по Дарвину...» Другой, грабитель, пообразованнее, развивает мысль: «ТАМ — ничего нет. И души нет. <...> Я нарочно убивал собак, чтобы посмотреть... Что человек помирает, что собака — все равно».

И к пришедшему в каторжный барак священнику отношение «чисто в натуре» большевистское: «Тут священное поёшь, — жалуется Власу Михайловичу священник, — а рядом на нарах непотребные слова, хохот, каждое твое слово подхватывают, переиначивают, кощунствуют... Ишь — кричат — долгогривый, гнусить сюда пришел».

Уголовно-каторжное мироощущение — ожесточенное, разрушительное, отрицающее смысл настоящего социального бытия, — бесспорно, повлияло на формирование идеологии «борцов революции». Условий для этого было предостаточно: одни и те же — для уголовников и «политических» — дома предварительного заключения, пересыльные тюрьмы, этапы, поселения ссыльных... Да и сама каторга: те «товарищи» из подпольных организаций, которым посчастливилось заслужить ее кандалы, становились в революционной среде «законодателями мод». Тюрьма, каторга и ссылка стали мировоззренческими университетами для будущих анархистов, эсеров и большевиков.

Формируя антиобщественную идеологию, тюремно-каторжная среда способствовала росту самосознания преступного мира и созданию его собственных структур — зародышей организованной преступности. Одним из признаков образования в России таких социальных структур стало появление уголовного жаргона. Впрочем, зародился он на воле: в середине XIX века в среде офеней — бродячих торговцев, не брезговавших мелким жульничеством, — уже бытовал свой язык, именуемый «мазовецким» (от слова «маз» — «приятель, пацан,

браток»). В конце XIX века этот термин был вытеснен словом «товарищ». Влас Дорошевич пишет: «„Товарищ“ — на каторге великое слово. В слове „товарищ“ заключается договор на жизнь и смерть... Даже письма пишут не иначе как „Любезнейший наш товарищ“, „Премногоуважаемый наш товарищ“».

Уголовный жаргон оказался живучим и очень подвижным явлением. Постоянно меняясь, трансформируясь сначала в предреволюционную «блатную музыку», потом в гулаговскую «феню», наконец в постсоветский бандитский говорок, он оказал немалое влияние на современный русский литературный язык: можно привести примеры прочно вошедших в него уголовных жаргонизмов дореволюционного происхождения: «барахло» и «бушлат», «братва» и «гопник», «вольнить» и «засыпаться», «жулик» и «пацан», «стрематься» и «тырить»...

Уголовная лексика активнейшим образом проникала и в речь революционеров, участников подпольных организаций, появившихся в 1860-х и умножившихся в 1870-х годах. Впрочем, удивительного здесь ничего нет: революционеры-конспираторы, как и профессиональные преступники, нуждались в собственном языковом коде. Пресловутое «товарищ», обретая новое значение, перекочевало из языка каторжников в лексику революционеров и стало в их среде почетным обращением своего к своему:

Наше слово гордое «товарищ»
Нам дороже всех красивых слов.

По этой же причине уголовно-сентиментальное обращение «браток», «братишка» и производный термин «братва» так удачно переплелись с революционно-социалистическим понятием всеобщего «братства». В годы Гражданской войны «братками» называли себя представители передового отряда революции — красные матросы. А в песне про 1-ю Конную пели: «Буденный, наш братишка...» Кстати, 1-я Конная в 1919–1920 годах прославилась своими бандитскими эскападами, пожалуй, больше, чем военными победами.

Преступление и... оправдание

Между революционной и преступной средой, конечно же, есть важное различие: цель действий. Альтруистическое и фанатичное служение идее «светлого будущего», достигаемого в революционной борьбе, — и эгоистическое стремление к сытой и веселой жизни любой ценой. Впрочем, и тут пропасть не так уж непреодолима: вспомним гедонизм социалиста-революционера Азефа или стяжательство религиозного коммуниста Гапона. Отметим и тот факт, что и преступная среда время от времени рождала веселых Картушей и благородных Робин Гудов, идейных борцов против частной собственности и спокойного сна обывателей. И уж в чем точно сходились преступники и борцы за светлое будущее — так это в стремлении скрыть пружины и механизмы своей деятельности от глаз общества, создать тайные организа-

ции с жесткой дисциплиной и далеко манящей стратегией.

Исторический параллелизм: подпольные революционные партии и преступные синдикаты начали появляться в России практически одновременно: в 1860–1870-х годах. «Нечаевское дело» — суд над первой в России подпольной конспиративной революционной организацией — почти совпадает по времени с «делом червонных валетов», в ходе которого, тоже впервые, была разоблачена разветвленная преступная сеть, орудовавшая в крупнейших городах империи. Даже количество подсудимых в обоих процессах примерно одинаково: около полусотни. Увы, это было только начало. В последующие десятилетия и революционное подполье, и криминальные сообщества стремительно растут вопреки усилиям властей.

4 апреля 1866 года отставной студент Дмитрий Каракозов покусился на жизнь царя-освободителя у ворот Летнего сада. 24 января 1878 года девица Вера Засулич стреляла в петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова, тяжело ранив его. Эти два события знаменуют начало целой эпохи в истории «одной шестой части суши»: эпохи политического террора. С тех пор террор — «сверху» или «снизу», «красный» или «белый», замешанный на идейном, национальном или религиозном фанатизме — был и остается ключевым механизмом решения социально-политических вопросов: в царской России, в СССР, на постсоветском пространстве.

Волны террора то накатывали на Россию, то временно отступали, унося трупы убиенных. Царь Александр II, его сын великий князь Сергей Александрович, премьер-министр Столыпин, министры Боголепов, Сипягин и Плеве, отставной министр Сахаров, градоначальники фон дер Лауниц, Клейгельс, Шувалов, генерал-губернаторы Бобриков, Вонлярлярский, губернаторы Богданович, Блок, Старынкевич и десятки других «столпов империи» пали жертвами революционного террора. Террор оказался непобедим по одной простой причине: общество одобряло его. Оправдывало нравственно. Точно так же, как присяжные — петербургские обыватели — оправдали Веру Засулич, вняв семинарскому красноречию адвоката Александрова и либеральным увещаниям председателя суда Кони. Убийство стало вполне терпимым способом решения «проклятых вопросов». В 1906–1907 годах депутаты I и II Государственной думы придали политическому убийству легитимную санкцию, отказавшись принять резолюцию, осуждающую революционный террор. В 1917 году террор в обличье солдат и матросов, жгущих костры вокруг Смольного, захватил власть; в 1918 году террор был возведен в ранг государственной политики; в сталинские годы стал нормой жизни. И после мнимой смерти в «оттепельные» и «застойные» годы политический террор воскрес при распаде СССР, явился во втором своем пришествии, сопровождаемый двумя спутниками: религиозным фундаментализмом и откровенным уголовным бандитизмом.

Устрашающее нарастание масштабов действий террористов в наши дни, достигшее апокалиптической жути на Дубровке и в Беслане, объясняется теми же причинами, что и «преступление и оправдание» Засулич. Причина первая: в обществе много скрытых влиятельных сил, готовых любыми средствами уничтожать врагов, соперников, а заодно и случайно подвернувшихся прохожих ради своих корыстных интересов. Причина вторая: общество не осуждает человекоубийство безоговорочно, а относится к нему как к необходимому злу (это в лучшем случае), а бывает, что и требует и жаждет его как проявления высшей справедливости. Все это заставляет задуматься: а точно ли закончилась революция, совершившаяся девяносто лет назад, или она продолжается до сих пор, лишь сменив идеологически выдержанные красные одежды своих «братишек» на малиновые пиджаки бандюганов 1990-х годов да на камуфляжную форму и маски террористов нового тысячелетия?

Начало безумия

Психологи знают: у многих проявлений девиантного поведения, как и у многих видов криминала, есть сезонные подъемы и спады. Самоубийства, злодеяния маньяков и вообще преступления, обусловленные душевной неуравновешенностью, совершаются чаще всего весной. Число ограблений и прочих преступных деяний, совершенных с применением насилия, возрастает к концу осени. Исто-

рия революционного экстремизма в России — особенно в Петербурге, главном паровом котле российской революционности, — тоже показывает два ярко выраженных сезонных максимума: поздняя осень и ранняя весна. Почему-то эти времена года способствуют активизации авантюристов-властолюбцев, выплеску фанатизма террористов-одиночек, освобождению разрушительной энергии народных масс.

В сумрачное октябрьско-ноябрьское питерское предзимье осуществилась бóльшая часть дворцовых переворотов XVIII века. Тем же хмурым временем года, в продолжение доброй старой традиции, датируются и крупнейшие выступления революционных масс в 1905 и 1917 годах. Судьбы сильных мира сего уязвимее всего весной. Император Павел, как известно, был убит заговорщиками в ночь с 11 на 12 марта 1801 года. Со второй половины XIX века февраль — начало апреля обретают статус «бархатного сезона» революционности. К этому времени года приурочены покушения Каракозова, Соловьева, Халтурина на Александра II, Млодецкого на Лорис-Меликова, убийства Боголепова Карповичем, Сипягина Балмашовым. Самое главное жертвоприношение эпохи — убийство Александра II народовольцами 1 марта 1881 года — тоже в этом ряду.

Холодной весенней ночью с 26 на 27 февраля (с 11 на 12 марта по новому стилю) 1917 года солдаты запасного батальона Волынского полка убили нескольких офицеров, захватили оружие и, взбун-

Иконников-Галицкий А.

И 42 Черные тени красного города / Анджей Иконников-Галицкий. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 384 с. + вкл. (16 с.).

ISBN 978-5-389-31094-0

Книга «Черные тени красного города» посвящена одному из самых драматичных периодов в истории Петербурга—Петрограда—Ленинграда и в истории России — годам революции и Гражданской войны (1917–1922). Известный петербургский историк, публицист, поэт Анджей Иконников-Галицкий рассказывает о том, как жил Петроград в первые послереволюционные годы: как справлялся с разгулом преступности, охватившей город, о политических силах и лидерах, вдохновлявших мир криминала, о борьбе с контрреволюционными элементами, которая привела к красному террору. Автор уделяет внимание непростым, а подчас похожим на авантюрный роман судьбам идеологов красного и белого движения, в чьей деятельности политика оказалась неотделима от криминала. Книга написана на основании обширного материала: судебной и милицейской хроники, исследований, архивных источников — и адресована всем, кто интересуется отечественной историей.

УДК 94(47).084.3
ББК 63.3(2)61

АНДЖЕЙ АНДЖЕЕВИЧ ИКОННИКОВ-ГАЛИЦКИЙ
ЧЕРНЫЕ ТЕНИ КРАСНОГО ГОРОДА

Руководитель проекта Кирилл Красник
Ответственный редактор Алла Степанова
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Алины Леонтьевой
Подготовка иллюстраций Екатерины Мишиной, Дмитрия Кабакова
Корректоры Ольга Попова, Светлана Федорова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 15.12.2025.
Формат издания 84 × 108 1/2. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 21 (вкл. вклейку). Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА*, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА* тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru	Санкт-Петербург қ. «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

16+

Отпечатано в Акционерном обществе
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, тел.: 8(49564) 28-619

